

Вырезка из газеты СОВЕТСКАЯ ЛАТВИЯ

от — 2 МАР 1968

г. Рига

Газета №

Поет Карлис Заринь

Ленинградцам хорошо известно имя Карлиса Зариня. Первая встреча с ним состоялась почти 10 лет назад: в декабре 1959 г. вместе с группой студентов он выступал в Ленинградской консерватории и обратил на себя внимание не только прекрасным голосом, но и серьезным, вдумчивым исполнением разнообразной программы. Это впечатление закрепилось три года спустя, когда в «Реквиеме» Верди в Большом зале Ленинградской филармонии Заринь продемонстрировал настоящую итальянскую школу пения.

И вот третий сольный концерт в Ленинграде. На мой взгляд, программа его оказалась не столь выигрышной. Все первое отделение было отдано вокальному циклу Дворжака «Цыганские мелодии», который страдает известным эмоциональным однообразием (не случайно он обычно не исполняется целиком) и романсам Глиэра — довольно поверхностным, неглубоким, скопированным с русских классиков (в них слышится то Рахманинов, то Бородин). Второе отделение составили популярные арии и романсы — Заринь словно вспомнил свои первые выступления. Жаль, что совсем не была представлена так удающаяся певцу немецкая музыка. Хотелось бы также услышать в исполнении Зариня комические или сатирические произведения, вроде великолепно спетого им на VI съезде компози-

ПИСЬМО ИЗ ЛЕНИНГРАДА

торов Латвии цикла Калсона «Несколько разумных диалогов».

Однако некоторые недостатки программы искупало ее исполнение — не просто яркое, но во многом необычное и оригинальное.

«Цыганские мелодии» Дворжака трудны для исполнения своеобразным сочетанием эмоциональной сдержанности музыки и порывистости текста, прославляющего волю, свободную цыганскую жизнь; в цикле мало контрастов и много высоких нот, он требует от певца большого напряжения. Заринь ярко воплотил и песенность, питающуюся народными истоками («Любовь воспеть», «Помню»), и удал, не лишенную оттенка горечи («Звонкий треугольник», «Вольный цыган»), и созерцательность, заставляющую вспомнить Брамса («Лес зачарован»); особенно же удались ему песни, полные порыва к свободе («Заиграйте, скрипки», «Ясный сокол»).

Из латышской музыки пленительно прозвучало «Дивлюсь я» Калныня: глубина и тонкость в передаче настроения, плавность кантилены широкого дыхания, красота piano, разнообразие нюансов делают Зариня одним из лучших исполнителей этой жемчужины национальной классики.

Заринь прекрасно чувствует своеобразие музыки различных эпох: рядом с ярко, увлеченно во-

площенной проникновенностью Чайковского («Хотел бы в единое слово») и порывистостью Рах-

манинова («Я был у ней») — величая, мощная ария Генделя из оперы «Ксеркс» с точно переданной единой линией нарастания и звонкими верхами. Свежесть, необычность трактовки отличало исполнение такого «запетого» сочинения, как «Нина» Перголези: в нем не было сладостной лирики, небесной просветленности, отрешенности; особенно энергично и властно прозвучал припев — чувствовалось, что это — XVIII век, время Генделя.

Прекрасно удался Зариню поднятый и страстный стиль Пуччини, причем не только в певучей мелодике арий, но и в напряженно-драматических речитативах. Певец не побоялся исполнить подряд, да к тому же в самом конце второго отделения, три пуччиниевские арии — из «Девушки с Запада», «Тоски» и «Мадам Баттерфляй». Наибольшим совершенством отличалось исполнение баллады Рикардо из «Бала-маскарада» Верди: разнообразие чувств, среди которых присутствовала даже ирония, стремительное нарастание скороговорки с четко доносимым каждым словом, плавность кантилены, естественная, непринужденная смена регистров, звучности свидетельствовали о зрелом мастерстве Зариня.

Следует добавить, что певцу необычайно повезло с концертмейстером — тонкий пианист Герман Браун обладает не только прекрасной музыкальностью и техникой, но и редким чувством ансамбля.

Хотелось бы чаще видеть латвийского певца в Ленинграде — как на концертной эстраде, так и на оперной сцене.

А. КЕНИГСБЕРГ,
кандидат искусствоведения.